

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

ГЕНИЙ ЧИСТОГО БЕЛЬКАНТО

*Памяти великого русского певца
Бориса Тимофеевича Штоколова*

Любимец публики

Поверьте на слово, дорогие читатели, мне до сих пор трудно и горестно писать о Борисе Тимофеевиче Штоколове как об ушедшем навсегда человеке, с которым меня лично связывала не только сцена, но и преданная мужская дружба. Видимо, ещё не пришло ко мне это скорбное и трагическое осознание того, что его, замечательного артиста, уже не будет с нами. Но его исключительной красоты и уникального тембра голос продолжает звучать во мне, заполняя осиротевшую душу, возвышая её, утешая и облагораживая.

Я видел вживую, как в то самое время, когда он пел на сцене, совершалось художественное чудо. Я постоянно присутствовал на многих репетициях певца, на радио- и телевизионных записях, принимал участие в его выступлениях — читал стихи и был ведущим многих аншлаговых концертных программ. Выступления проходили чаще всего в Ленинградской филармонии, Большом Концертном зале “Октябрьский” (БКЗ), Консерватории, “Карнавал”, Театре эстрады, Тронном зале Екатерининского дворца, в Концертном зале у Финляндского вокзала, не считая многочисленных “малых” сценических площадок Санкт-Петербурга и других городов России.

Тот, кто хоть раз услышал в своей жизни сольное выступление или был на оперных спектаклях с участием Бориса Тимофеевича, всякий раз испытывал глубокое духовное потрясение, вызванное мощью и красотой его голоса и блистательной игрой на сцене. В Кировском (ныне Маринском) театре, где певец проработал более тридцати лет, он всегда пел, в основном, только ведущие партии обширнейшего оперного репертуара. Публика ходила, как правило, “на Штоколова”, своего любимца, когда он исполнял труднейшие оперные партии: Мефистофеля — Ш. Гуно, “Фауст”, Сусанина — М. Глинка, “Иван Сусанин”, Руслана — М. Глинка, “Руслан и Людмила”, Гремина — П. Чайковский, “Евгений Онегин”, Досифея, Бориса и Пимена — М. Мусоргский, “Хованщина” и “Борис Годунов”, князя Галицкого — А. Бородин, “Князь Игорь”. Кроме того, он принимал живейшее участие в популяризации современных композиторов. Создал мужественный и правдивый народный характер солдата Великой Отечественной войны, рядового Андрея Соколова, в опере “Судьба человека” И. Дзержинского, написанной по классическому произведению

М. Шолохова. В мировом музыкальном мире хорошо известно, что созданный на оперной сцене трагический образ Бориса Годунова навсегда связан со многими прославленными именами, в том числе и с именем Бориса Штоколова. Он раскрывал этот сложный и величественный образ, играя на сцене в костюме самого Федора Шаляпина, авторы которого – художники Константин Коровин и Александр Головин.

В этом прославленном театре пришла к нему заслуженная, поистине легендарная слава. В 1962 году Борису Штоколову присуждается звание народного артиста России, а в 1966-м он – уже народный артист СССР. Помимо этого певец становится лауреатом Государственной премии, кавалером орденов Ленина, Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Отечественной войны второй степени, многих медалей и престижных наград. В самых известных музыкальных энциклопедиях мира Штоколова называли “великим русским басом”. Проникновенной жизненной правдой и подлинной достоверностью всегда отличались созданные им на сцене образы. *“Борис пел струнами своей души”* – так зачастую отзывались его друзья и коллеги по искусству. Певец, которому рукоплескали концертные залы всего мира, выступал с большим успехом почти на всём пространстве России, изъездив вдоль и поперёк нашу незабвенную российскую глубинку, которую он отмечал особо, именно для нее пополняя свой репертуар ариями из опер, русскими былинами, песнями и романсами. Его могучий талант обладал необыкновенным обаянием, ибо изначально был поистине глубоко народным. А вот что говорил сам Борис Тимофеевич в одном из интервью: *“В этом состоит отличительная особенность русской музыки и русской оперы – в их глубокой народности. Вот самый незамутненный и чистый источник вдохновения и творческого озарения – живая ткань народной культуры!”*

Конечно, сейчас, в наши дни, невозможно до конца представить и оценить творческий масштаб его яркого и самобытного певческого дарования, его обширнейший оперный и концертный репертуар – для этого должно пройти какое-то время, потому что, как сказал Есенин: *“Большое видится на расстоянии”*. То, что он сделал в музыкальном искусстве – бесмертно! Уже новые поколения любителей классической музыки будут смотреть его неповторимую игру на сцене – на киноэкране и в телевизионных записях, а также слушать его чарующее пение, сохранившееся на грампластинках, магнитофонных пленках и компакт-дисках. И я верю, что, радуясь и восторгаясь, наши просвещенные потомки, возможно, более углубленно, чем мы, оценят всю Ирановича Шаляпина, о чем не раз писала отечественная и зарубежная пресса.

Кстати, объявляя выход на сцену Бориса Тимофеевича, я всегда добавлял от себя изысканной петербургской публике, что сейчас перед ней выступит обожаемый и любимый народом певец, как бы современный Шаляпин, перевоплощенный в Штоколова, но у которого абсолютно свой самобытный, рельефный голос, неподражаемая проникновенная интонация и оригинальная, доведенная до совершенства, пластическая манера исполнения. Эти два великих певца, Шаляпин и Штоколов, – обладатели *чистого бельканто* – по своим не только вокальным, но и физическим данным были равновелики: высокие, статные, одним своим атлетическим видом вызывавшие восторг и восхищение у публики, ибо выглядели на сцене настоящими русскими былинными богатырями. Они были безусловно самыми известными и знаковыми фигурами своего времени: Федор Шаляпин в конце девятнадцатого и вплоть до середины тридцатых годов двадцатого века, а Борис Штоколов с начала пятидесятых и до начала 2005 года. Характерно и то, что у них и фамилии-то очень близкие по звучанию: Шаляпин – Штоколов, чему я всегда удивлялся и говорил об этом не раз самому Борису Тимофеевичу и его блестящему, ныне тоже, к сожалению, покойному аккомпаниатору, пианисту Сергею Гурьевичу Яковлеву.

Светлые и горестные годы детства

Коротко коснусь человеческой и творческой судьбы Штоколова. Ничего не бывает случайного в этой жизни, есть в ней всегда некая оправданная закономерность. Она просматривается и в судьбе нашего великого певца, дар которого передался ему по наследству, но об этом я расскажу чуть ниже.

А пока что поговорим о его детстве, начавшемся в небольшом сибирском городке Кузнецке Кемеровской области, где 19 марта 1930 года родился младенец Борис. У его родителей Тимофея Ильича и Елизаветы Ивановны этот мальчик – второй ребёнок в семье, сестра Дина была старше его на два года. А следом за Борисом появился на свет его младший братишка Вадик. Примерно через шесть лет после рождения будущего певца семье пришлось переезжать в Горную Шорию, в Алтайский край в село Кузедеево, где Тимофей Ильич Штоколов в 1936 году был назначен на должность председателя Осоавиахима.

Семью Штоколовых поместили в первом доме слева, при въезде в село со стороны города. Двор был довольно широким, просторным и занимал целый квадратный квартал, где располагались ряды больших конюшен. Во дворе проводились даже небольшие тренировки: молодых кавалеристов учили на всем скаку справа и слева ловко “рубить лозу”, с маху преодолевать на конях всевозможные препятствия. Кроме того, во дворе был оборудован тир. Здесь военные обучались стрельбе из разного стрелкового оружия. Однажды отец даже разрешил Борису пострелять из небольшого нагана. О, какой восторг испытал мальчишка! На этот двор-полигон приводили лошадей, в том числе и диких.

Почти все они, не объезженные, имели дикий нрав – поэтому их приходилось привязывать к столбам и держать на короткой, прочной верёвке и с помощью жёстких ременных кнутов обучать их покорности человеку. Они долго не слушались команд, лягались, жутко ржали, выкатывая устрашающие кровавые глаза. Могли запросто ухватить любого, кто приблизится к ним, своими страшно оскаленными зубами. Пена клочьями слетала с их мягких и мокрых губ, а спины буквально дымились от горячего и липкого пота. Самыми первыми командами были такие: лошадь, повинуясь наезднику, должна лечь и встать. Если она наконец-то подчинялась, то ей полагалось скромное угощение. Так, например, Тимофей Ильич подкармливал усмирённую светло-коричневую лошадку кусочками посоленного чёрного хлеба. Когда же эта лошадь стала покладистой, её использовали для поездок в лес за дровами, весной запрягали в плуг, а зимой в сани и возили сено с заречных лугов, замётанное в круглые, присадистые стога. Вся семья её любила и жалела. Летом ребятишки, да и маленький Боря Штоколов, купали лошадей в реке, плавали вместе в светлоструйной и блестящей реке Кондобе.

О своих матери и отце Штоколов пишет: *“Моя мама, Елизавета Ивановна Юрасова, родилась в 1904 году в Воткинске. Она окончила церковно-приходскую школу, два года училась в гимназии, но занятия были прерваны революционными событиями 1917 года. Вскоре она поступила в единую трудовую школу. Всего она училась восемь лет. Когда умерла с голоду бабушка Екатерина Яковлевна Юрасова, моя мама состояла на учёте на бирже труда. Затем уехала к старшей сестре в Сибирь в город Бердск, около Новосибирска, там она работала учительницей: днем учила детей в начальных классах, вечером – взрослых в Ликбезе. В Бердске она встретилась с моим отцом, и в 1927 году они поженились.*

Отец мой, Тимофей Ильич Штоколов, был родом из Сибири. Родился он в 1901 году в деревне Киприно, Барнаульского уезда, в шестидесяти километрах от города Камень-на-Оби. В 1918 году он добровольцем ушёл в Красную Армию, воевал всю гражданскую войну кавалеристом, а в начале двадцатых годов вступил в партию большевиков. В одном из боёв под Тобольском отец был ранен и попал в плен к белым. Красноармейцам приказали снять с себя всю одежду, связали руки и повели в лес. Их должны были расстрелять. На опушке отец переглянулся с друзьями, и они кинулись в разные стороны. Одного убил конвоир, а мой отец и его земляк из Киприно – убежали. Впоследствии брат отца, дядя Федя, живший тогда в Киприно, рассказывал: “Нам уже сообщили, что Тимофей расстрелян. Мы погоревали, поплакали, стали уже привыкать, что его нет в живых, как вдруг, когда мы с матерью и братьями работали в поле, я увидел, что к нам идёт Тимофей. Его мать Арина Никаноровна от неожиданности даже упала в обморок”. В 1926 году, будучи командиром полка, отец демобилизовался и поступил на курсы бухгалтеров-счетоводов, затем служил в военных лагерях, начальником штаба по работе с призывниками”.

В Кузедееве семья Штоколовых жила дружно, весело, работали на земле, собирали в тайге грибы, ягоды. Отец ловил рыбу, охотился. Одним словом –

жили сытно. Маленький Борис полюбил суровую таёжную природу, отец часто сажал его на лошадь, учил верховой езде, у них была охотничья собака Джульбарс. Она возила детей на санках и коньках по главной улице села.

С отцом Борис ездил на пасеку, оттуда они привозили на бричке мед. Его хватало на всю долгую сибирскую зиму. Запомнилось и то, как однажды отец взял его на охоту. Были поставлены капканы на медведя. Один из них был сорван. Отец вместе с местным конюхом пошли по окровавленному следу, а Борис остался сидеть в телеге. Но было страшно оставаться одному, и он тихонько поплёлся за ними – как вдруг увидел, что медведь, встав на задние лапы, яростно и грозно рыча, пошел на отца. На передней лапе у него висела большая гиря с оборванной цепью. Пришлось стрелять. Медведь через мгновение шумно рухнул на сухой и жёсткий валежник.

Однажды кузедеевские охотники привезли из тайги медвежонка и отдали его Тимофею Ильичу. Вся семья поила его молоком, он спал под крыльцом вместе с Джульбарсом и котом Маркизом. Как-то медвежонок залез на крышу дома и разобрал по кирпичику всю трубу. Когда он подрос, то его куда-то увезли – скорее всего, сдали в зоопарк.

Вместе со своим другом детства Ленией Сафоновым пошёл Борис в первый класс. Они встретились через много лет – в 1987 году в Новокузнецке на концерте певца. Долго вспоминали свои ранние годы, реку, лошадей, рыбную ловлю, зимние метелицы и крепкие сибирские морозы. Друг его детства стал учёным – заведовал кафедрой в университете. Вспомнили свою первую учительницу, она была женой секретаря райкома Николая Васильевича Гладкова, которого объявили врагом народа, пытали до тех пор, пока он не сошел с ума. Такая же участь ждала и Тимофея Ильича. У него отобрали партийный билет и вот-вот должны были забрать его, но добрый молодой сотрудник НКВД фактически спас ему жизнь, посоветовав немедленно уезжать, пока не было ещё санкции прокурора на арест. Бросив всё, семья вечером того же дня поехала в Новокузнецк, где жили дедушка и бабушка Бориса.

Опасаясь репрессий, решили двигаться дальше, в Курскую область на станцию Чернянка, в деревню Остров к родственникам отца. Это местечко располагалось недалеко от Москвы. В Чернянке Тимофей Ильич отбирал лошадей для Красной Армии, а в свободные дни – ездил в столицу хлопотать о своем восстановлении в партии. В конце концов он добился своего: осенью 1939 года была создана комиссия из двух старых большевиков, они ездили в Новосибирск, где подробно и обстоятельно разобрались во всем. Возвращая Тимофею Ильичу партийный билет, председатель московской комиссии сказал: “Не обижайтесь на партию, товарищ Штоколов, это делают враги нашей партии!” После этого Тимофей Ильич получил назначение на должность управляющего трестом “Мелиоводстрой”, и они поехали в Пермь. Детей уже было четверо – в Чернянке родилась младшая сестра Светлана. А Борис в это время учился уже в четвёртом классе.

Борис Тимофеевич рассказывал: *“Маме хватало забот с младшими. Мы с девочками и мальчишками нашего двора лазали по чердакам, забирались под большую лодку около нашего дома, а старшие ребята заставляли силой меньших курить, как это происходит и сейчас во всех дворах. Однажды отец увидел меня с папиросой, увел домой и так выпорол, что я на всю жизнь закаялся курить. В душе он был добрым человеком, но беспощадным к порокам. Я ему на всю жизнь благодарен за этот урок”*. Именно из Перми его отец уйдёт добровольцем на фронт. На вокзале Пермь-Вторая он наденет часы на худенькую руку сына, передаст ему свой кожаный реглан и накажет беречь маму и сестер. Поезд тронется без гудка, во время войны так они отходили от станций и вокзалов. Тимофей Ильич поцеловал всех, запрыгнул на подножку и долго махал им рукой... Поезд укатил в Златоуст, где уже формировалась дивизия, отправлявшаяся на фронт.

От отца они получили несколько фронтовых писем, с большими перерывами. А в конце июля 1942 года пришло известие, что Тимофей Ильич пропал без вести. Не вернулся из боя. Об этом они узнали случайно. Фронтовой друг их отца лежал в госпитале в Перми и рассказал их бывшим соседям о том, что рота, где находился Тимофей Ильич, была окружена немцами под Ленинградом. Наши бойцы стали пробиваться из окружения, и каждый оставил один патрон для себя. Тогда так было принято, чтобы не попасть в плен. Один из однополчан Тимофея Ильича сообщал своим близким о том, что знал Штоко-

лова — он был политруком. А такие вояки, как политруки, в плен не сдавались. Получив сообщение из военкомата, что Тимофей Ильич пропал без вести, семья Штоколовых переехала в Свердловск, к родственникам. Дядя Коля постарался приодеть осиротевших детей. Борису достался коричневый пиджачок, который он износил до заплат на рукавах. В этом пиджаке юный вокалист впервые выходил на сцену.

Прикосновение к музыке

А теперь о самом главном — о пении. После переезда семьи в Свердловск, будучи еще мальчишкой, Боря Штоколов ходил на вокальные занятия в капеллу. Туда его отвела старшая по возрасту соседская девочка Шура Царёва. Заниматься было интересно, к тому же там давали ученикам белую булочку с сахаром. Борис пел высоким дискантом, а верха у него были беспредельными. В хоре из оперы “Князь Игорь” — “Улетай на крыльях ветра” — он исполнял сопрановую партию. В своей книге “Гори, гори моя звезда” Штоколов рассказывает: “Папа Тимофей Ильич и мама Елизавета Ивановна пели в самодеятельности. В компании папа часто исполнял под гитару “Мой костёр в тумане светит...” Мама тоже пела под гитару и сама себе аккомпанировала. Она исполняла “Накинув плащ, с гитарой под полою”, “Меж высоких хлебов...”, “Пой, ласточка, пой!..”, “Вот вспыхнуло утро...” Моя мама, кроме того, прекрасно рисовала. Мои способности к художествам мне достались более всего от неё. Поэтому я в ранней юности поступил в Художественное училище. Так что не стань я певцом, то, возможно, стал бы художником, но мне по наследству от дедушки достался голос, только не тенор, а бас. Теперь-то я хорошо знаю, что голос, как правило, переходит не к сыну или к дочери, а через поколение, он достаётся обычно нашим внукам. И ещё я думаю, что от дедушки мне перешло волевое, неистовое желание во что бы то ни стало раскрыть тайну пения, так называемого “чистого” бельканто.

Я учился в школе, а вечерами чистил ботинки на своей улице, у цирка и у базара, занимался этим промыслом вместе с Шурой Отрадинским — он сейчас живёт в Москве, в Кунцево. Была крайняя нужда и никаких надежд на улучшение материального положения. Прекрасно помню, как я в драном пальто, в залатанных самим валенках, поздно ночью с ребятами на улице догоняли мы на коньках автомашины, цеплялись за борт крючками и, если шофер не видит, на ходу подтягивались, залезали в кузов и сбрасывали на дорогу, что удавалось. Однажды ребята сбросили даже бидон с молоком. А в одном из складов нам попался под руку чемодан, а в нём оказался шевитот. На толкучке этот материал мы обменивали на хлеб. На товарной станции утащили из вагона жмых и ели его с большим удовольствием. От него я заболел гастритом, меня положили в больницу, где я находился на излечении три месяца. В 1942 году осенью я в первый раз услышал оперу А. Бородина “Князь Игорь” в Свердловском театре оперы и балета, в котором судьбой мне было предназначено через восемь лет, в 1951 году, впервые выйти на оперную сцену. Там я начал петь, начиная с маленьких ролей, а потом, через семь с половиной лет, исполнял партии Ивана Сусанина и Бориса Годунова.

А произошло это так: мы со старшей сестрой Диной и с моим другом Шурой Отрадинским пошли в оперный театр на спектакль “Князь Игорь”. Опера мне очень понравилась. Я слушал музыку, как завороженный, особенно Половецкий акт. Я и сегодня считаю этот акт одним из самых выдающихся в мировом оперном искусстве. Это была первая встреча с оперой, встреча с театром, но об этом я тогда совсем не думал... Мало того — тот вечер и действия по отношению к театру были не очень-то почтительными. Мы купили билеты на галёрку. Там я обратил внимание, что передо мной на перилах, прямо под руками, был голубой бархат, которого мне так недоставало для бархотки, чтобы наводить блеск на вычищенную обувь. В конце спектакля, как только потух свет в зале, я бритвой вырезал длинную полосу этого бархата, и мы с Шурой быстро покинули зал. Возвратившись домой, я сколотил ящик. Из какого-то гаража украли чёрную мазь, купили щетки и стали чистить ботинки, зарабатывая при этом 280—300 рублей в день. Милиция гоняла нас, так как мы не имели разрешения на чистку обуви. На вырученные деньги вечером мы покупали булку, хлеб и по кусочку масла”.

Морская романтика соловецкого юнга

А вот учиться на художника ему было не суждено. Семья лишилась своего кормильца-отца, защищавшего Ленинград. Потому-то из-за постоянного голода и практически нищенского существования пришлось подростку Штоколову оставить учебу в училище. И со своим дружкой Валентином Шепелевским решил он стать юнгой. Они быстро разыскали пункт набора и там выяснили, что принимают в школу юнг только с 15 лет. Вот тут-то Борис и воспользовался своими способностями к рисованию. Потихоньку от мамы он взял копию метрики и аккуратно перерисовал две цифры. Теперь год рождения был 1929-й. Потом за маму Борис написал справку, где указывал, что она не возражает против его стремления стать юнгой. И только когда он прошёл медицинскую комиссию по здоровью – признался маме, что принят в эту школу. Она заплакала, а потом дала согласие, ибо стояло на дворе голодное время. В этом наборе было много беспризорников, многие – дети погибших на фронте отцов, были среди них и отчаянные блатные ребята. В Вологде эшелон встретили солдаты с овчарками, из вагонов выводили по одному, искали холодное оружие. В Архангельске всех переправили на остров Соломбала, располагавшийся посреди Северной Двины. Архангельск часто бомбили немецкие самолёты. Потом ребят погрузили на транспорт “Вятка” и под охраной тральщика и эсминца доставили на Соловки. Грандиозный вид монастыря поразил всех. Когда плыли на “Вятке”, то знатоки рассказывали им трагическую историю этого острова и самого монастыря. Дух захватывало! Ребят разместили в землянках. Их строили юнги первого набора, среди которых был будущий писатель Валентин Пикуль. Приходилось поначалу нести караульную службу. Однажды во время караула была по нечаянности убита лошадь, близко подошедшая к складу.

В ноябре начались занятия по военному делу – по торпедной стрельбе и другим дисциплинам. В середине декабря приняли присягу. Перед едой ребятам наливали в алюминиевые кружки настой из хвои от цинги. Часто вечерами пели они под гитару старые морские песни, но особенно пришлась Борису по душе песенка “Есть в Боталии маленький дом...”. Став юнгой Северного флота, он освоил профессию торпедного электрика, восторгался морской стихией и величием Соловецкого монастыря и, конечно, самим эсминцем “Строгий”, ставшим ему в годы флотской службы родным домом. Борис Тимофеевич всю жизнь помнил своих соловецких друзей: Жору Храпунова из Одессы, Лёшу Ненашева из Куйбышева, Ваню Шумилина, Валентина Шепелевского, Володю Юркина из Новгорода. В январе 1945 года организовали художественную самодеятельность. Пели квартетом “Самовары-самопалы”, “Бескозырку”, “Махорочку” и другие фронтовые песни. Они умели успех у моряков. Юнги пели и в поселке Савватьево, где располагалась их главная школа. Это были первые гастроли будущего выдающегося певца.

Сдав экзамены, юнги получили распределение на флот. Прощайте, суровые и прекрасные Соловки! Приплыли в порт Кемь. А оттуда поехали поездом в Ленинград, где их провели по Невскому проспекту, по Мойке и Поцелуеву мосту, что находится неподалёку от знаменитого оперного театра им. Кирова, где впоследствии было суждено петь Борису Тимофеевичу. А учиться пению ему настойчиво советовал верный друг по службе на флоте Володя Юркин. *“Именно тогда, – говорил позже Штоколов, – меня словно током пронзило, где-то в подсознании эта мысль, конечно, уже давно жила во мне. Я понял тогда, что именно пение – моё истинное призвание”*. Но пока ещё надо было служить в Кронштадте на эсминце “Строгий”. В свободное время моряки пели, плясали, шумно веселились. Штоколов играл на гитаре и тоже вместе с товарищами по службе от души распевал старые матросские песни.

В конце октября моряков построили на палубе, и было объявлено, что эсmineц “Строгий” вместе с эсминцами “Стройный” и “Страшный”, а также крейсером “Киров” будут участвовать в первом послевоенном морском параде в Ленинграде на Неве в 1945 году. Пятого ноября, в канун праздника, боевые корабли вошли в устье Невы и бросили якоря напротив Медного всадника. Парад принимал командующим Балтийским флотом адмирал Трибуц. Юнга Штоколов был назначен дежурным гребцом на шлюпке, матросы перевозили с корабля на берег и обратно своих сослуживцев. А вечером Бориса отпу-

стили вместе с товарищами в увольнительную. Красота города ошеломила его. Разве он думал, что когда-нибудь будет петь в Ленинграде, в оперном театре?! Нет, конечно. После парада его перевели на эсминец “Стройный”. Этот корабль сдавал ходовые испытания. На дне Финского залива ещё находились немецкие донные магнитные мины. На одной из них неожиданно подорвался легендарный крейсер “Киров”.

Однажды ночью была объявлена боевая тревога. Штоколов выскочил на палубу, где его тут же сбило ледяной балтийской волной и бросило под башню носового орудия. Он чуть было не оказался за бортом, но артиллеристы носового орудия спасли его от гибели. Ребята-моряки с нетерпением ждали зимы, когда корабль будет во льдах, а они смогут учиться дальше в школе краснофлотской молодёжи. Штоколов к тому времени имел только пятиклассное образование. Он решил учиться дальше. И вот тут его друг снова напомнил ему о консерватории. В конце 1946 года его вместе с Володей Юркиным отпустили в отпуск. Борис твёрдо решил, что на флот он больше не вернётся, а станет усердно и фанатично учиться пению.

Голубоглазая девушка Надя

“Осенью 1947 года руководитель вокального кружка поставил меня с голубоглазой, с большими косами, девушкой Надей...” – вспоминает певец в своей книге. Впоследствии она станет его женой, и у них родятся два сына Александр и Тимофей. Забегая вперёд, скажу – Борис Тимофеевич перенесёт страшное горе – у него прямо на руках умрёт жена Надежда Петровна. Однажды он рассказывал мне: “Днём Надя поливала цветы в той большой комнате, где я репетирую. Наденька вдруг тихо вскрикнула: “Боренька!” – и стала падать. Я успел подхватить её – и на руках донёс до дивана. Стою, плачу и не знаю, что делать. Зову её: Надя! Надя! А она уже не реагирует, потеряла сознание. Потом вспомнил: у нас же есть телефон. Вызвал “Скорую помощь”, но Надю, милую мою Наденьку спасти не удалось...”

Долгое время я не мог поверить, что её нет со мной”.

Она была добросердечная и гостеприимная женщина, а для Бориса Тимофеевича стала истинным ангелом-хранителем семейного очага. Его друзей и коллег (сужу по себе) она встречала всегда с той русской приветливостью, которую редко встретишь в нынешней, особенно в столичной жизни. Не было такого случая, чтобы она не пригласила за стол меня или тех людей, что приходили к Борису Тимофеевичу. Обычно мы собирались на уютной кухне, ибо всё было под рукой: посуда, холодильник, еда, выпивка и закуска. Бывали обильные обеды, ужины и затяжные вечерние беседы. Надежда Петровна всегда была рядом. Ее присутствие – единило всех нас. Она привносила в наши разговоры свою обходительность, доброту и тактичность. Было видно, как она любит и обожает своего знаменитого мужа. Это чувство естественным образом переходило и на нас, его многочисленных и преданных друзей. Своё сердечное отношение к ней запечатлелось в моих дружеских непритязательных строчках. Как-то, придя к Штоколовым, я протянул Надежде Петровне листок со стихами, написанными осенью 1996 года. Я вручил ей эти стихи в их квартире, где они жили тогда по адресу: Петровская набережная, 4, кв. 66 (четвёртый этаж). Из окна одной из комнат, самой просторной, где репетировал Борис Тимофеевич, видна была Нева, гранитная Набережная и стоящий на ней Домик Петра. Передавая жене Штоколова стихи – мне хотелось сделать ей маленькую приятность. В моём блокноте сохранится этот текст:

*Пусть жизнь порою, как пороша,
Страшней смертельного свинца,
Но вам дана Святая ноша —
Любить великого певца.
И в губительном житейском море,
Где редко дует легкий бриз,
Преодолеть любое горе
Поможет Вам — Ваш муж Борис.*

Строка: “Преодолеть любое горе поможет Вам – Ваш муж Борис...” – оказалась абсолютно противоположностью. Горе, к большому сожалению, связанное с неожиданной смертью Надежды Петровны, пришлось тяжело переживать самому певцу и всему его семейству. Я был один из тех, кто присутствовал на её отпевании и похоронах. Это проходило в Сестрорецке, под Санкт-Петербургом, в небольшой церкви, построенной в честь Святого Благоверного великого князя Александра Ярославича Невского, покровителя Петербурга. Там и похоронили Надежду Петровну. На её погребении, в числе близких людей, был и великий хирург, академик Федор Григорьевич Углов с супругой.

Говорят, что одна беда не приходит – жди другую. Так, к несчастью, и случилось: прошло немного времени, как заболел неизлечимой болезнью сын Саша, крепкий, розовощёкий, ещё совсем недавно пышущий здоровьем. В течение многих лет он часто на своей машине возил нас на концерты. Овдовела его жена Людмила, осиротели дети: мальчик Костя и очень подвижная ласковая девочка, которую пианист Серёжа Яковлев в шутку называл “колючкой”. Борис Тимофеевич улыбался, ему нравилась эта домашняя безобидная дразнилка.

Нетрудно представить, какую надо было иметь певцу волю и чувство самообладания, чтобы пережить одно за другим эти тяжёлые два горя: смерть любимой жены, а следом за ней такой мучительный уход старшего сына. И несмотря на эти ужасные трагедии – Борис Тимофеевич всё же преодолел “чёрную полосу” в своей судьбе, продолжая петь сквозь слёзы, не потеряв при этом своей великолепной вокальной формы, радуя певческим искусством самую требовательную и преданную публику.

Он, помнится, сразу же после похорон жены должен был петь под орган в Санкт-Петербургской капелле. Все думали, в том числе и я, что он отменит этот концерт. Но певец вышел на сцену и объявил публике, что посвящает свой сольный концерт памяти жены. Я хорошо помню, как внезапно оцепенел и затих зал, как воцарилась мертвая, гробовая тишина. Торжественно поплыла под сводами капеллы величественная органная музыка в исполнении профессора Нины Оксентян, и наш дорогой Борис Тимофеевич, собрав воедино всего себя, вдохновенно и божественно запел. Его пение звучало как прощание с самым близким и родным человеком, каким и была всю жизнь для него Надежда Петровна. Я сидел с пианистом Сергеем Яковлевым в самом конце зала. Сережа и я были охвачены мистическим ужасом от этой могучей музыки и скорбного, какого-то поистине возвышенного пения Штоколова. Мы шёпотом говорили друг другу, что присутствуем не здесь, на земле, в зале капеллы, а словно совсем в другом месте – в светящемся и мерцающем поднебесном мире...

Вернёмся в раннюю молодость...

Но вернёмся снова назад, в раннюю молодость певца. В конце мая 1946 года Штоколова отпускают с флота домой, на побывку. Он едет в Свердловск, где живёт его семья, состоящая из пяти человек. Певец вспоминал: *“Мама заплакала, когда узнала, что я решил не возвращаться на флот и что одержимо хочу учиться вокальному пению. Бывает же такое: я как-то ранним утром вышел из дома и пошел по городу искать работу. Не помню, как оказался на улице Малышева, где совершенно случайно увидел объявление о приёме в спецшколу ВВС № 11, и я сразу же решил поступать туда.*

Пройдя медкомиссию, я был зачислен курсантом в третью роту. Помню, как на госэкзаменах учительница русского языка и литературы, очень любившая моё пение, вызвала меня к доске и говорит: “Боря, прочитай стихотворение Лермонтова “Выхожу один я на дорогу...”. Я прочитал... “Ну а теперь спой, пожалуйста, один куплет”. Я спел. Весь класс заржал, а она говорит: “Молодец! Садись, “три”.

Когда была закончена спецшкола, то на выпускной вечер приехал к курсантам сам командующий Уральским военным округом Маршал Георгий Константинович Жуков. Он поздравил всех с успешным окончанием спецшколы, пожелал хорошей и добросовестной воинской службы. После торжественной

части состоялся концерт художественной самодеятельности. Курсант Штоколов спел “Грустные ивы” М. Блантера и “Дороги” А. Новикова. Маршал сердечно поблагодарил за пение и сказал: *“Таких, как ты, в авиации много, а тебе надо петь...”*.

Когда Борис занимался в вокальном кружке, то ещё не знал, как надо правильно брать ноты. И он в свободное от занятий время стал ходить к пожилой частной преподавательнице, которая училась у Фелио Джордони. Она когда-то пела в Мариинском театре. Когда она показывала верхнее “до”, то пропевала его прекрасно. Она выучила с Борисом романс Демона “Я тот, которому внимала...” Борис Тимофеевич вспоминал: *“Она была недовольна моей морской сутулостью и особенно косолапой походкой, оставшейся у меня от службы на кораблях. Во время пения она больно тыкала меня своей палкой в сутулые плечи, чтобы я развернул их, и при этом приговаривала: “Надо уметь носить своё тело, свою фигуру на сцене, надо уметь носить фрак, иначе вас на пушечный выстрел не подпустят к театру”. Владение дыханием она преподавала по-своему: ученик привязывал кирпич к левой ноге и во время пения качал этой ногой, якобы для разработки тазовой диафрагмы. И ещё у неё были всевозможные экстравагантные методы обучения певцов. Об этих экспериментах Штоколов вспоминал с улыбкой. Он говорил: “Сколько вокальных заблуждений мне предстояло перенести в будущем и всё же не потерять голоса! Иногда я набирал полный рот мелких камешков из какого-нибудь ручейка и пытался петь песни. Петь было трудно, во рту “каша”, но когда я вынимал камешки изо рта, то петь и произносить слова становилось очень легко. Таким образом я достиг хорошей дикции”. Он буквально “заболел” пением, и его чуть было не отчислили за неуспеваемость. Но мама приговорила и умоляла начальство оставить сына в училище. И действительно — оставляли. Потом будущего певца направили служить в Серпуховское училище ВВС. Туда-то и пришел приказ Жукова, в котором говорилось о направлении на учёбу в Консерваторию курсанта Штоколова. И он поехал в Свердловск, где был принят без экзаменов в этот музыкальный вуз, где стал заниматься баритональным пением у педагога А. В. Новикова. Но заведующий кафедрой В. Г. Ухов первый почувствовал, что у студента природный “бас-контанто”, и перевёл на втором курсе молодого певца в басы.*

Вскоре он был приглашён на пробу в Свердловский театр оперы и балета. Штоколов спел арию Сусанина и был зачислен в труппу стажёром. Это было в 1951 году. С этого времени стал исчисляться его трудовой стаж на оперной сцене. В театре Борис Тимофеевич пел партию Лорана в “Ромео и Джульетте”, Кардинала в “Орлеанской девице”, Гремина в “Евгении Онегине”, пел Кичигу в “Чародейке”, Златогора в “Пиковой даме”. Он выступал вместе со знаменитым Н. К. Печковским, народным артистом СССР, отсидевшим при Сталине десять лет вместе с Лидией Руслановой. А потом были спеты партии Кошевого в “Богдане Хмельницком”, Стольника в “Гальке” и наконец была исполнена партия Мельника в “Русалке”. Выпускным спектаклем в Консерватории была партия Черевика, а Юрий Гуляев (друг и сокурсник) пел баритоном партию Парубка. Спектакль прошёл на “отлично”.

Как-то, уезжая из Москвы, совершенно случайно Борис Тимофеевич купил книгу Назаренко “Искусство пения”, где были исследованы многие вокальные школы. Из этой книжки Штоколов узнал немало дополнительных знаний по вокалу. Он пишет: *“У меня было в жизни три отца: Тимофей Ильич, породивший меня, а затем “крестный отец” Маршал Жуков и Энрико Карузо. Я стал усердно заниматься по системе знаменитого итальянского тенора. А она состоит в том, что надо брать высокие ноты только при широко открытой (расширенной) глотке. Для этого существуют специальные методики и упражнения по открытию гортани”*.

Однажды Борис Тимофеевич пел вместе с П. Г. Лисицианом, приехавшим на гастроли в Свердловск. Замечательный баритон показал Штоколову свой метод пения, с опорой на ремень и попаданием в “маску”. В этот момент звук, как на лебединых крыльях, вырывается наверх. После этого совместного выступления Штоколов пел только с широким ремнем под фраком, который и был главной опорой для звука во время пения. Позднее он говорил: *“Я ученик Карузо, у меня школа вокала итальянская, но душа русская...”*. В 1958 году он спел партии Дона Базилио, Рамфиса в “Аиде”, а 30 января

1959 года пел Бориса Годунова. Эту классическую, исполненную многими замечательными певцами мирового уровня труднейшую партию он тщательно готовил целых два года. Поэтому успех был потрясающим и превзошёл все ожидания.

Приглашение в Кировский (Мариинский) театр

А далее было прослушивание уже в Кировском (ныне Мариинском) театре у дирижера Э. Грикурова. Молодой исполнитель спел арию Сусанина, князя Галицкого, Гремина, где легко взял самую низкую ноту, как у певцов принято говорить – “шубой по полу”. После этого прослушивания, гуляя с женой по набережной Невы, певец неожиданно простудился, воспалилась трахея. И всё же, несмотря на недомогание, Штоколов решил петь, но звучание его голоса в спектакле “Иван Сусанин” на этот раз было чуточку “матовым”. Но слушатели тем не менее бурно аплодировали. Их дружная и шумная поддержка несомненно повлияла на судьбу молодого певца. Театральное руководство предложило ему спеть арию Мефистофеля. Перед премьерой певец решил вылечиться самостоятельно, как говорится, народным методом – пошёл в парилку. Там встретил он давно ему знакомого певца Н. К. Печковского, с которым в 1954 году в Свердловском оперном театре пел партию Златогора в “Пиковой даме”. Ну так вот: в жаркой бане Печковский в приказном порядке говорит своему концертмейстеру: “А ну-ка, Абраша, хорошенько попарь его венником!”.

Русская баня очень даже пошла на пользу Штоколову. В театре, прямо перед пробой, Печковский, увидев дирижёра Э. Грикурова, с восхищением сказал ему: “Берите скорее Бориса, иначе его заберёт Малый оперный. Я знаю его, пел с ним, у него, поверьте, великолепный голос”. Спустя годы Борис Тимофеевич писал: *“Однажды я вышел на сцену, надев шляпинский костюм: шляпу, туфли, штаны, кольцо. В большом красном плаще я чувствовал себя неуклюже, путался в нём. Однако, начав петь, ощутил, что голос возвращается на сцену, эхом идя в зал. И мне стало комфортно, спокойно и хорошо”*. После спектакля “Фауст” Ш. Гуно – Борис Тимофеевич был принят в Кировский (Мариинский) театр, где, как я писал выше, исполнял все главные партии обширнейшего репертуара на протяжении более чем трёх десятилетий.

В своей книге Штоколов рассказывает: *“Мне нравятся многие певцы, но более всего я всю жизнь преклоняюсь перед Энрико Карузо – не только великолепным, величайшим вокалистом, но и великим тружеником в расширении своей гортани, в управлении звуком. Прочитав в 1953 году книгу “Как необходимо петь”, я понял: чтобы стать блистательным вокалистом – надо как можно шире открывать гортань. Так я нашёл единственно верный путь к постановке голоса. И таким образом невольно стал учеником Карузо, оставаясь им до сегодняшнего дня. Хорошо помню, как я воспрянул духом, появилась уверенность в себе, что нахожусь на правильном пути. Пение – это напряжённый, каждодневный труд, и я бы добавил – это ещё и труд вдохновенный. Повторюсь – только вдохновенный! Однажды я почувствовал, что наконец-то ко мне пришла безмерная вокальная радость – в голосе моём появилась трель. Я стал её делать в итальянской народной песне “О, мое солнце!”, филировать звук, делать крещендо в песне “Эй, ухнем!” на концертах. Трель и филировка звука в Италии во все времена считаются высшим пилотажем в искусстве владения звуком, голосом”*.

Стихотворное посвящение

На протяжении всех этих необыкновенных лет нашей дружбы я, к сожалению, не регулярно, но всё же нет-нет да и записывал в тетрадь свои ощущения от выступлений и гастрольных поездок с певцом. В них запечатлены размышления Штоколова о музыке, игре на театральной сцене, о его творческих планах и бытовых повседневных заботах. Эти краткие заметки являют собой как бы остановленные мгновения уже ушедшей, счастливой и удивительной сценической жизни, в которой Борис Тимофеевич умел не только прекрасно

петь, но и самозабвенно наслаждаться ею. Он тонко чувствовал природу, чутко вслушивался в её звуки. Увлекался поэзией и в юности писал стихи. Конечно, только для себя и своих близких. Особый вкус проявлял к питанию, обожал хорошо покушать, потому что при пении идет большой расход калорий, выпивку тоже не обходил вниманием, но, при своём бережном отношении к голосу и в целом к здоровью, почти всегда воздерживался от лишней рюмки. Учитывая то, что вся его жизнь прошла на театральной сцене, в гострольных поездках, в большом и шумном окружении людей, почитателей его таланта, он после спектакля или сольного выступления всегда стремился к общению с коллегами и многочисленной публикой. Он ценил их мнения о спектакле или концерте, умел и любил рассказывать необычные истории из своей жизни или своих друзей, иногда умел талантливо пародировать известных артистов, порой приправляя свои байки “солёными” словечками.

Помнится, как во Всеволожске (пригород Петербурга) после концерта Борис Тимофеевич в тесной компании организаторов и гостей, как это часто бывало и раньше, рассказывал о том, как учился петь, о своих планах: *“Я – фанатик пения. Если местные руководители помогут мне здесь, при музыкальной школе, открыть класс вокала, то я покажу мальчикам и девочкам, как надо расширять гортань с помощью зевка. Петь будут только на противоестественном дыхании, с кожаным поясом. А девочкам предложим жёсткие корсеты под нижнее ребро. Настоящие певцы поют именно на противоестественном дыхании. Естественное – не годится”*.

В записи от 10 июня 1999 года сообщается, что в этот день, в четверг, пригласил нас в проектный институт главный конструктор Алексей Федорович Уткин, мой земляк, родной брат Владимира Федоровича, под чьим руководством в своё время была создана практически неуязвимая ракета, прозванная “Сатаной”. Очень хотелось конструкторскому коллективу и многим учёным послушать Штоколова. Об этом говорил со мной по телефону Алексей Федорович и просил передать его просьбу Борису Тимофеевичу. Что я и сделал в этот же день. Через некоторое время мы приехали и выступили непосредственно в самом проектной институте. Сохранилась видеозапись нашего импровизированного концерта. Я был ведущим этой небольшой программы, прочитал поэтический цикл “Памяти Сергея Есенина” и стихотворение, посвященное певцу. А Борис Тимофеевич спел: “Я Вас любил...”, “В лунном сиянии”, “Утро туманное”, “Ой, мороз!”, “Малиновый звон”, “Гори, гори, моя звезда!”

Потом был небольшой банкет, на котором Штоколов рассказывал о своих заграничных гастролях. В одном из зарубежных театров, за день перед спектаклем, Борис Тимофеевич внимательно осмотрел театр и понял, что в нём специфическая акустика, при которой надо петь по-особому, главное – орать не надо, петь следует чуть тише обычного, но петь волнительно и лирично. Помню он рассказывал: *“В нашей труппе были два прекрасных певца – Зураб Анджапаридзе и Александр Огневцев...”*. Штоколов сделал при этом потрясающую гримасу, изображая этого вокалиста. Перед самым спектаклем Борис Тимофеевич поделился своим наблюдением относительно акустики со своими коллегами. Огневцев отреагировал так: *“Да я, Боря, как рвану во всю свою мощь – и всех зрителей бросит в озноб! Я их потрясу!”*. Но потрясения на этот раз не случилось. Газеты дали предельно сухие информации, а положительных отзывов и глубоких рецензий не было совсем”.

Вообще Борис Тимофеевич, как личность легендарная, вёл себя зачастую настолько вольнолюбиво, что иногда позволял себе то, чего не смог бы себе позволить другой артист. В его душе, как мне представляется, до конца дней жила дерзкая мальчишеская задиристость, весёлая озорница, бравада и удалство. Так, на одном из выступлений, проходившем в Петербурге, в Большом концертном зале “Октябрьский”, посвящённом 300-летию русского флота, Штоколов, перед тем как петь, довольно образно поведал зрителям о том, как он, будучи юнгой, служил на Северном флоте. Затем приветливо улыбнулся, а улыбка у него была поистине лучезарной, процитировал известную матросскую шутку, произнес перед огромной аудиторией буквально следующее: *“Друзья мои! Поздравляю Вас с этим прекрасным праздником! Я ведь тоже был когда-то моряком, и у меня тоже была вся задница в ракушках!”* И сразу же запел, заглушая мощным басом раскатистый хохот зала. Как вдохновенно и божественно пел он в тот удивительный вечер! Зрители азартно и долго аплодировали, кричали: “Браво!” И всё бисировали и бисировали

ли... Весь этот триумф проходил на моих глазах. Я стоял в боковой кулисе, в окружении артистов, мы тоже кричали, яростно хлопали и от всей души поддерживали певца.

Из дневниковых записей

А теперь обратимся непосредственно к моим кратким документальным записям.

31 марта 1995, С.-Петербург.

Творческий вечер, посвящённый 100-летию юбилею С. Есенина. Петербургские поэты выступали в Царском Селе. На этом вечере я прочёл поэму “Есенин и Блок”. Заканчивал концерт Борис Штоколов. Он спел несколько вокальных произведений, в том числе и романс собственного сочинения на стихи Есенина “Пой же, пой! На проклятой гитаре...”. После концерта Борис Тимофеевич сказал мне: “Ваша поэма – поэтична. В ней разлит лиризм, она проникнута одухотворением...”. Так мы познакомились. Местный фотограф снимал нас, но обещанные снимки, естественно, не прислал. Ладно, это не главное. Иное дорого мне, а именно: на этом вечере, посвященном моему земляку Сергею Есенину, судьба предоставила мне счастливый миг знакомства с Борисом Тимофеевичем, нашим великим русским певцом. Выходит, что как бы Есенин познакомил меня со Штоколовым. В любом случае: не будь этого вечера – знакомство бы не состоялось.

7 декабря 1997, С.-Петербург.

В новой квартире на Васильевском острове, из окон которой открывается прекрасный вид на Гавань, Борис Тимофеевич рассказывал нам – мне и своему концертмейстеру Сергею Яковлеву: “Когда мы начинали жить с Надей, то у нас ничего не было. Даже дорожки, а именно: на этом вечере, посвященном моему земляку Сергею Есенину, судьба предоставила мне счастливый миг знакомства с Борисом Тимофеевичем, нашим великим русским певцом. Выходит, что как бы Есенин познакомил меня со Штоколовым. В любом случае: не будь этого вечера – знакомство бы не состоялось.”

11 декабря 1997, С.-Петербург.

Сегодня Борис Тимофеевич делился своими планами: “Я сейчас готовлю книгу, она называется “Тайна бельканто”. В ней будет кассета. Эта книга – Букварь по вокалу. Для всех, кто хочет петь. Для фанатиков. Я буду рекомендовать своим ученикам делать из своей глотки то, что сделал я из своей. Теперь у меня в глотке видны связки: глядя в зеркальце – я вижу, как они смыкаются и размыкаются. Я знаю, как Энрико Карузо уникальным методом и особыми приёмами расширял свою глотку. Я тоже этим занимался. Через 15 лет упорных занятий – глотка моя открылась. А Фёдору Шаляпину такая уникальная открытая глотка досталась от природы. Я хочу создать вокальный класс, где буду обучать молодых певцов открытию и расширению гортани. Они будут петь на противоестественном дыхании, с применением широкого и жёсткого пояса, на который будет опираться дыхание и звук, издаваемый певцом. Запоют, как соловьи. Кстати, эти птицы поют именно открытой глоткой, исключительно виртуозно филируя каждое коленце”.

9 марта 1998, С.-Петербург.

Вечером около 18 часов Борис Тимофеевич записывался на фирме “Мелодия”, которая находится в здании лютеранской церкви Великомученицы Екатерины, расположенной на Васильевском острове (1-я линия). Зал имеет хорошую акустику, но микрофоны фирмы старые, им уже по 25 лет. Поэтому при прослушивании записей певец их забраковал. Оставил только две, что были записаны с третьим микрофоном АКТ, который Штоколов принёс из дома. Прослушивание проходило в третьей аппаратной – 39 ступенек вверх.

Итак: певец оставляет только две записи с квинтетом: “Ямщик, не гони лошадей” и “Хризантемы”. Записи спонсирует “Газпром” (Рэм Вяхирев).

Когда шла запись – я стоял неподалеку от Штоколова и с замиранием сердца слушал певца. Видел, как он переживает, волнуется, уходит всем своим духом в глубины музыки. Порой он закрывал глаза или, наоборот, как бы выкатывал их и распахивал. Они сверкали, как ночные кинжальные молнии, а иногда становились приветливыми, наполненными неизъяснимым мерцающим светом. Этот свет являлся из трепетной души певца, наполненной стихийной силой вдохновения. В этот необыкновенный миг он стоял перед микрофонами, как истинный рыцарь русского вокального искусства. Был он статен, высок, порывист и одновременно предельно сдержан в жестах и движениях рук. Помнится, что в этой студии, во время затяжной паузы, я сказал Борису Тимофеевичу: “Вы поёте сегодня прекрасно, с особым воодушевлением, превзошли самого Шаляпина”. На что Борис Тимофеевич с долей грусти ответил: “Не забывай, Гена, Шаляпин наш гений. Он – недосягаем”. И стал прогуливаться по студии, отдыхая от только что спетой песни “Дивлюсь я на небо...”. Об этой песне он говорил мне: “Вещь страшно тяжёлая, я боялся её петь. А теперь исполняю с огромным наслаждением, ибо пою открытой глоткой”.

29 мая 1998, С. -Петербург.

Ровно в 13 часов я у Бориса Тимофеевича. Дверь (железную) открыла жена Надежда Петровна. Певец отдыхал в спальне. Потом вышел из боковой комнаты. Обнялись. Борис Тимофеевич басит: “Гена, укладывай кассеты и мои книги. Они лежат на рояле...”. Вскоре подъехал пианист Сергей Яковлев. Вышли из квартиры и пошли к легковой машине (“Мерседес”), ждавшей нас напротив Домика Петра. Едем в Ленконцерт, а оттуда – в Тосно. День яркий, солнечный. Борис Тимофеевич наслаждается дарами весенней жизни. На нём длинная джинсовая синяя рубашка навыпуск, светлые, стального цвета брюки, лёгкие, белые летние ботинки. Настроение хорошее, потому что наступают лето. Хлынули волны тепла... После концерта Борис Тимофеевич был в отличном настроении. Из дома культуры с букетами цветов мы вышли на улицу. Певец восторженно воскликнул: “Да! Как всё прошло хорошо! Как тепло! Какое солнышко! Пожить бы побольше, попеть! Правда, ребята? Ещё бы лет 20 пожить!..”

В этих словах сквозило какое-то тревожное подсознательное предчувствие. Оно осозналось мною в полной мере только теперь, после того, как певец так неожиданно ушел от нас.

Касимовские гастроли

Коротко коснусь выступления Штоколова в моем родном городке, в Касимове. Спустя два-три дня после нашего знакомства 31 марта 1995 года в Царском Селе я предложил Борису Тимофеевичу дать концерт в нашем доме культуры, порадовать своим чарующим пением моих земляков. Не так-то просто было уговорить певца, характер-то не из лёгких, нрав горячий, строптивый. К тому же огромная занятость, ибо шли бесконечные репетиции, записи на компакт-диски, на радио и телевидении, сольные концерты. Нервы напряжены постоянно. Только после нескольких бесед с ним, в которых я подробно рассказывал о моем городе, о его старинной истории и даже “нажал” на то, что в Касимове дважды побывал Петр Великий и наследник престола цесаревич Александр, будущий Император Александр Второй, в сопровождении поэта В. А. Жуковского. Я напомнил певцу и о том, что в этот год Россия отмечает 100-летний юбилей Сергея Есенина, а в конце разговора добавил: “Вы же написали такую задушевную, мелодичную музыку на стихи Есенина. Было бы замечательно, если бы Вы исполнили эти произведения непосредственно на родине поэта, в данном случае в моем городке. Такой голос, как Ваш, там никогда не звучал. И вряд ли зазвучит когда-либо в нашей касимовской горестной глубинке – маленьком сердце большой России”. Певец грустно улыбнулся, задумался и тихо сказал: “Гена, надо подумать, к тому же предстоит найти “окно” в моей программе, ведь эта поездка займёт не менее пяти дней,

дорога-то не близкая...”. Дня через два он сам позвонил мне и сказал: “Заказывай билеты, едем. Лучше всего закажи на “Красную Стрелу”, поезд отходит в полночь. Поедем трое: ты, я и аккомпаниатор Сережа Яковлев. Когда возьмёшь билеты – сразу же сообщи мне...”.

Из дневниковых записей

21 апреля 1995, С. -Петербург.

Около 18 часов позвонил Штоколову. Сообщил ему о том, что Касимов ждёт его приезда во второй половине мая. Обговаривали все детали будущей поездки, наши дальнейшие планы и творческие контакты. Он много рассказывал мне о своей системе пения на противоестественном дыхании, при полностью открытой глотке, о великих певцах: Карузо, Шаляпине, Паваротти, Гяурове, Михайлове, братьях Пироговых.

И вот 25 мая 1995 года в касимовском Доме культуры состоялось первое выступление Штоколова. Он спел целый цикл русских песен: “Славное море – священный Байкал”, “Глухой неведомой тайгою”, “По диким степям Забайкалья”, “Ах ты, степь широкая!..”, “Ермак”, “Вдоль по Питерской”, “Ямщик, не гони лошадей!..”, “Эй, ухнем!..” и другие. А из романсов те, что так любит публика: “На заре ты её не буди...”, “Вам не понять моей печали...”, “Только раз бывает в жизни встреча...”, “Дорогой длинною”, “Очи чёрные”, “Хризантемы”, “Москва златоглавая”, “Сомнение”, “Пой же, пой! На проклятой гитаре...”, “Гори, гори, моя звезда...”. Через день в этом же здании дома культуры он пел для жителей Касимовского района. Причём в конце выступления он исполнил вместе со всем зрительным залом любимую всеми “Тонкую рябину”. Это было удивительное впечатление: люди сердечно благодарили певца не только за прекрасный концерт, но и за открытое, душевное отношение к зрителям. После своего первого концерта вечером следующего дня Борис Тимофеевич выступил в касимовской музыкальной школе, где основными зрителями были преподаватели музыки и городская интеллигенция. После концерта директор школы В. И. Ряховский устроил вечерний ужин, на котором педагоги смогли напрямую пообщаться с певцом, послушать его размышления о музыке. Кто-то предложил Валерию Шелоумову, педагогу по классу баяна, что-нибудь спеть. Он взял в руки баян, свой любимый инструмент, и полилась задушевная русская песня “Меж крутых бережков...”. Затем были исполнены и другие народные песни. Борис Тимофеевич поблагодарил нашего касимовского певца и сказал, что баритон у него тёплый, со своей интонацией, в общем, есть над чем работать – голос абсолютно природный, и добавил: “Вы истинный самородок. Работайте над техникой. Можете учиться по моей книжке-самоучителю: “Как надо петь”.

Нигде я так не волновался, ведя концерт и читая стихи, как здесь, на знаковых мне сценах Дома культуры и музыкальной школы. В эти дни стояла прекрасная солнечная погода, температура доходила до двадцати пяти градусов. Помню, на прогулке Штоколов сказал мне: “Гена, в твоём городке так же тепло, как в Италии. Ты же знаешь – я не так давно пел в Милане, где вместе с Надей посетили Белый Мавзолей Карузо, привезли цветы”. Мягкий и сухой климат средней полосы благотворно влиял на голосовые связки певца, поэтому исполнял он русские песни и популярные романсы с особым воодушевлением, в буквальном смысле потрясая своим великим искусством людские души.

Спел Борис Тимофеевич на сцене дома культуры и две сложнейшие партии из оперного репертуара: каватину Алеко из одноимённой оперы С. Рахманинова “Алеко” и арию Ивана Сусанина из оперы М. Глинки “Жизнь за царя”. Ему вдохновенно аккомпанировал на рояле пианист Сергей Яковлев, выступивший со своей сольной программой, виртуозно исполнив сложнейшие произведения А. Скрябина, С. Рахманинова и Ф. Шопена. Мои земляки приняли выступления певца превосходно. Народ слушал замечательные классические произведения в исполнении не каких-то там корчащихся на сцене “шептунов”, а выдающегося оперного певца, обладателя уникального чистейшего бельканто, того истинно “золотого” звука. А таких певцов в мире совсем

немного. Это прежде всего – Э. Карузо, Ф. Шаляпин, М. Кабалье, Л. Паваротти и Б. Штоколов.

Будучи ведущим этих концертов, я по договорённости с певцом прочёл стихи, связанные с природой и историей моего родного края, а в заключение – стихотворение “Примолкла публика... И вновь заликовала”, посвящённое Борису Тимофеевичу, которое я написал ночью с 5 на 6 июня 1995 года в Петербурге. Помнится, как-то днём я позвонил певцу и прочёл стихотворение по телефону. Штоколов, прослушав, сказал: “Хорошие, ёмкие стихи. Я их поставлю во второе издание моей книги “Гори, гори, моя звезда...””.

После летних гастролей успешно прошли осенние выступления в Нижнем Новгороде и Муроме в здании Дворца культуры.

В те осенние дни по просьбе работников завода “Цветмет”, тех, кто весной не смог послушать выступление певца, я предложил Борису Тимофеевичу дать один концерт в Касимове. Директор завода А. Н. Драенков, как всегда, проявил свою отзывчивость – выделил машину “Волга”, на которой мы приехали в Касимов. 24 октября 1995 года состоялся вечерний концерт в Доме культуры. Наконец-то те заводчане, что не были на весенних концертах, с удовольствием слушали певца, а после его выступления сердечно общались с ним. Пел Борис Тимофеевич на рязанской земле и спустя четыре года, а именно – 1 декабря 1999 года. Чтобы организовать этот концерт, я специально поехал в Рязань, где вёл переговоры с администрацией филармонии о выступлении Штоколова.

Борису Тимофеевичу устроили настоящую овацию. Он много раз выходил на “бис”. После концерта нас гостеприимно принимал у себя, в здании администрации, губернатор области Вячеслав Николаевич Любимов.

Скорбная боль утраты

С того дня, когда пел Штоколов в Касимове, прошло почти 10 лет. Я хотел летом 2005 года повторить, в обновленной программе, его выступление. Голос певца звучал по-прежнему свежо, а кантилена была пластичной и ровной на всех регистрах. Но случилось непоправимое... Утром шестого января, включив телевизор, я по каналу НТВ вдруг увидел в левом углу экрана лицо Бориса Тимофеевича в траурной рамке. По всему моему телу мгновенно прошла обжигающая волна нервного озноба, скорби и душевного смятения. Поначалу не хотелось верить в это неожиданное, страшное и непредсказуемое несчастье. Я почему-то подумал: должно быть, произошла какая-то катастрофа – Штоколов в последние годы панически боялся летать на самолёте, ибо всё чаще случались в небе аварии во время полётов как наших, так и зарубежных лайнеров. Но всё оказалось не так. Первая операция на кишечнике прошла успешно. Собственно говоря, она была совсем несложной. Некоторые СМИ вводили в заблуждение своих слушателей, сообщая, что “после тяжёлой и продолжительной” болезни скончался выдающийся певец. Когда люди слушают или читают такой текст, то все думают, что у человека онкологическое заболевание. У Бориса Тимофеевича его не было. Врачи констатировали: элементарное защемление грыжи. Через несколько дней пришлось делать вторую операцию, ибо обнаружили у певца обострившийся перитонит. Во время второй операции сердце Бориса Тимофеевича остановилось.

Ведущие средства массовой информации опубликовали обширные некрологи, а телеканал “Культура” посвятил светлой памяти великого певца свою ночную передачу. На телеэкране миллионы зрителей снова увидели бессмертный образ Штоколова и услышали его великолепный голос. Думаю, что не только я, но и все поклонники Бориса Тимофеевича вряд ли смогли в эти минуты сдержать горестные слёзы прощания. Плакали, не стесняясь слёз, многие артисты Мариинского театра.

Когда приближалось его 70-летие, он говорил: “Ведь если вдуматься, очень короткая наша жизнь на этой земле. Семьдесят лет – это вообще ничто. Вот в ветхозаветные времена жили по 700–800 лет. Вот это, я понимаю, срок! Но пусть и короткая, но какая прекрасная наша жизнь, если жить в ладу с совестью и в гармонии с окружающей природой. Поэтому хотелось бы жить не в аду, как многие сейчас живут, а в красоте, справедливости и люб-

ви. Хотел бы пожелать всем, чтобы у нас вот так повернулась жизнь – к прекрасному, и чтобы каждый жил как можно дольше”. Сейчас, после кончины певца, эти слова воспринимаются как его завещание.

Собственный корреспондент “Труда” Людмила Безрукова в некрологе о Борисе Штоколове писала: “Сегодня Мариинский театр, Петербург и вся Россия прощаются со Штоколовым. Артиста такого масштаба, такого яркого национального колорита в Питере больше нет – нынешняя Мариинская труппа построена по “среднеевропейскому” образцу, где традиционному русскому басу (культура, которая, безусловно, восходит к православному церковному пению) просто не находится места. А жаль – мы в очередной раз демонстрируем, с какой лёгкостью растрачиваем собственные бесценные традиции”.

В последние годы Штоколов всё обострённее чувствовал уходящее время. Поэтому активно работал над голосом, гастролировал, проникновенно пел свой особый репертуар, составленный для участников войны и блокадников. Они были всегда очень благодарны ему. Он любил их рассказы о пережитом, сам делился своими воспоминаниями о горестных годах военного лихолетья.

Великий певец был постоянно поглощён только двумя темами – музыка и Россия, переживающая сейчас жесточайшую очередную ломку своего бытийного и государственного уклада. Неисчислимо количество раз певец печально повторял: “Если даже мне сейчас живётся внапряг, то каково теперь “простому” человеку?”.

От всей души поздравляем с юбилеем нашего дорогого друга и давнего автора Геннадия Морозова!

Редакция